

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертацию Алёны Вадимовны Гальковой
«Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны
эмиграции (М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, К.А. Коровин)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Сформулированная диссертантом проблема «Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, К.А. Коровин)» представляется актуальной в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, (авто)биографические книги русских художников-эмигрантов являются важной составляющей мемуарного наследия русского зарубежья и позволяют более полно осмыслить специфику рефлексии и идентичности русских эмигрантов в период исторического слома. Во-вторых, воспоминания А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского и К.А. Коровина позволяют внести существенные уточнения в осмысление разрабатываемых в литературе русской эмиграции концепций памяти. В-третьих, предлагаемая диссертантом тема интересна в контексте социологии литературы, то есть как исследование социальных функций биографирования. Наконец, работа актуальна в силу востребованности в современной филологической науке исследований интермедиальных приемов как неотъемлемой черты модернистской эстетики.

Известно, что культура серебряного века формировалась в тесном взаимодействии разных видов искусств. Так, значительная часть литературных объединений эпохи включала в себя представителей смежных профессий – философов, филологов, музыкантов и, конечно, художников. Многие известные русские поэты и писатели первой половины XX века серьезно занимались изобразительным искусством или происходили из семей художников. А центром культурной жизни рубежа веков стал театр, объединивший в себе разные виды искусства и их представителей. И в этом смысле сложившаяся научная практика дифференцированно исследовать русский модернизм не всегда позволяет осмыслить его как целостный культурный феномен, учесть все нюансы биографических и профессиональных взаимосвязей интеллектуальной и творческой элиты русского общества начала XX века. В связи с этим предпринятое А.В. Гальковой междисциплинарное исследование имеет ряд очевидных преимуществ и открывает потенциальные перспективы плодотворных научных поисков.

Одна из них – это изучение общих для размышлений русских писателей и худож-

ников источников: прежде всего философских, определивших круг дискуссий рубежа XIX – XX веков. К числу ключевых философов, оказавших влияние на культуру модерна, принадлежит Фридрих Ницше, причем речь идет не только о его воззрениях на сверхчеловека, к которым, как показано в диссертации, обращается в своих мемуарах М.В. Добужинский (с. 152), но и о ценностной антитезе порядка и хаоса, обоснованной философом в работе «Рождение трагедии из духа музыки» (1871). Именно к этому исследованию восходит образность аполлонического и дионисийского, к анализу которой неоднократно обращается диссертант и в итоге приходит к интересному выводу о том, что доминантой мемуаров А.Н. Бенуа и М.В. Добужинского становится «аполлонический дух неоклассики», а «словесным пейзажам К.А. Коровина присущ в большей степени дионисийский дух модерна» (с. 196).

Другим перспективным направлением междисциплинарного исследования становится изучение взаимовлияний словесного и визуального искусств. В этом ключе к числу наиболее удачных наблюдений диссертанта следует отнести анализ Петербургского текста в живописи и мемуарной прозе мирискусников, которым, по словам В.Н. Топорова, «принадлежит второе “открытие” Петербурга в начале XX в.» (с. 109). И если Петербург А.Н. Бенуа был связан, прежде всего, с архитектурными кодами русской культуры – в силу семейного происхождения и социального генезиса самого художника, то «городской текст» М.В. Добужинского имел почти исключительно литературный характер. Как отмечал сам автор «Воспоминаний», уже в гимназические годы он прочел «всега Достоевского», а также был увлечен прозой Э. Золя – особенно романом «Чрево Парижа» (Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 106), который представляет собой альтернативный Петербургскому «городской текст». В связи с этим интересна авторская стратегия «присвоения» Достоевского Добужинским, механизмы которой были описаны в литературоведении на примере «присваивания» Пушкина (см., например, классическую работу: Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // *Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age* / Ed. by V. Gasparov, R.P. Hughes, I. Paperno. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1992. С. 33–44). Диссертант справедливо отмечает, что принципиальный характер имеет упоминание Добужинского о том, что квартира, в которой жил его дядя, была соседней с той, где жил Достоевский. Повествовательная стратегия мемуариста в данном случае делает автора «Преступления и наказания» частью семейной мифологии

художника. Вспомним аналогичные высказывания И. Бунина о том, что имения практически всех русских классиков располагались по соседству с его малой родиной. Однако если лидер русской эмиграции связывал с «домашним» локусом языковое наследство русских писателей, то для Добужинского общая с Достоевским «точка обзора» предполагала мастерство написания «печального петербургского пейзажа» (с. 65), имеющего для обоих авторов – и для писателя, и для художника – социальное измерение.

Изучение точек пересечения художественной литературы, мемуаристики и живописи открывает перспективы для междисциплинарных жанроведческих исследований. Так, диссертант в своей работе подходит к интересной проблеме жанровой экспансии, когда черты того или иного жанра проникают в смежный вид искусства. К числу таких жанровых взаимодействий относятся «пейзажные элегии» в живописи Бенуа, литературная урбанистика на полотнах Добужинского, импрессионистические этюды Корovina. В автобиографическую прозу художников, как показано в диссертации, также проникают характерные черты изобразительного искусства и жанровые признаки портрета, пейзажа и архитектурной живописи.

Композиционная логика диссертации полностью соответствует заявленным цели и задачам исследования. Первая глава посвящена теории автобиографического повествовательного дискурса. В качестве методологической базы диссертант выбирает авторитетную работу Ж. Женетта, логика которой предполагает «анализ структуры и пространственно-временной организации повествования» (с. 34). В связи с этим хотелось бы уточнить некоторые частные решения и наблюдения диссертанта. Почему в теоретических разделах диссертации отдается предпочтение работе Ж. Женетта, а не альтернативной теории повествования известного слависта Вольфа Шмида? И как обоснован материалом исследования выбор хронотопа в качестве ключевого слагаемого поэтики автобиографического повествования? Это не требовало бы пояснений при обращении к травелогам или так называемой «лагерной прозе», но требует специального комментария при анализе мемуарных жанров.

В первой главе А.В. Галькова точно характеризует творческий почерк каждого из художников-мемуаристов, выделяя доминанты повествовательных стратегий каждого. Показательно, что мемуары живописцев оказываются точно соотнесены с их художественным творчеством. Так, смысловым ядром полотен и биографических книг Бенуа

оказывается пассаеизм, «дух прошлого», «овеществленный в архитектуре, мебели, костюмах, орнаментике» (с. 46). Мастер городского пейзажа Добужинский в своих воспоминаниях сосредотачивает свое внимание, главным образом, на посещаемых местах, о чем свидетельствуют уже названия глав его книги: «Петербург моего детства», «Новгород», «Кишинев», «Вильна» и т.д. Причем Петербург в его мемуарах меняется и взрослеет вместе с автобиографическим героем. В основе работ Коровина находится, как пишет соискатель, «живописная техника крупных, крепких мазков», «стремление раскрыть общее впечатление» (с. 78), а не передать детали. И если для Добужинского наиболее близким по духу писателем оказывается Достоевский, то в центре житнетворческого сценария Коровина оказывается жизнелюбивая фигура Пушкина (с. 82 и сл.). Причем если Бенуа обращается к Пушкину как автору «Медного всадника», то страницы «Моей жизни» и иллюстрации Коровина посвящены стихотворениям и «романтическим» поэмам: «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы».

Во второй главе диссертации А.В. Галькова, опираясь на современную теорию интермедиальности, последовательно изучает синтез живописи и литературы в прозе русских художников. Закономерно, что в качестве основных слагаемых поэтики биографических текстов диссертант избирает портрет, пейзаж и экфрасис. В разделах, посвященных словесным портретам художников, вводится и анализируется «портретная галерея» деятелей искусства начала XX века, в центре которой, наряду с живописцами, находятся русские писатели и поэты. К числу наиболее ярких портретов следует отнести воспоминания Добужинского о Кузмине, Сологубе и Блоке, в облике которых художник находит запоминающиеся детали и дает им точную социальную характеристику. В то же время разделы первой главы диссертации по-новому открывают эстетику русских художников-эмигрантов. Если словесные портреты были связаны со стремлением найти в отразить в мемуарах характерные черты *другого*, то словесные пейзажи и техника экфрасиса, напротив, демонстрирует отношение самих живописцев к тем или иным локусам, событиям, произведениям искусства других авторов и к своим собственным работам.

Говоря о работе А.В. Гальковой в целом, необходимо отметить, что рецензируемая диссертация опирается на мощную источниковедческую базу: к исследованию привлечен масштабный корпус мемуарно-автобиографической прозы серебряного века и русской эмиграции первой волны. Диссертант использует значительное количество

научных работ не только по филологии, но и по искусствоведению, культурологии, истории и лингвистике. Все это обеспечивает бесспорную новизну и достоверность сформулированных в диссертации выводов, несомненную значимость полученных результатов для развития современного литературоведения и обоснованность научных положений. Ряд ценных наблюдений диссертанта о житнетворчестве и литературной технике русских эмигрантов, особенностях их духовной жизни, историософии и политической позиции обуславливают практическую значимость исследования, результаты которого могут быть применены в подготовке учебных курсов по истории русского зарубежья и теории мемуарных жанров.

Как и всякая новаторская работа, вводящая в научный оборот интересные материалы и факты, диссертация А.В. Гальковой вызывает у читателя ряд встречных вопросов.

1. Реконструируя генезис биографической прозы художников-эмигрантов, можно ли говорить о наличии в нем житийных традиций? (см., в частности, работы о мощном влиянии жанра жития на традицию русского биографирования: Плюханова М.Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 122–133; Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 365–376; Пономарев Е. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111).

2. На современном этапе осмысления документальной и художественной биографической прозы русских писателей-эмигрантов первой волны принято выделять несколько концепций памяти. Ключевые из них были сформулированы И. Буниным и В. Набоковым и реализованы в их художественной практике (см.: Шраер М.Д. Набоков и Бунин: поэтика соперничества // Шраер М.Д. Набоков: Темы и вариации. СПб., 2000. С. 187–188; Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003). В связи с этим вопрос. Можно ли говорить о наличии своеобразной концепции памяти у русских художников-эмигрантов – оригинальной или воспринятой в русле биографической традиции русского зарубежья?

Безотносительно к прозвучавшим вопросам всё сказанное выше позволяет заключить, что диссертация А.В. Гальковой «Поэтика мемуарно-автобиографической прозы русских художников первой волны эмиграции (М.В. Добужинский, А.Н. Бенуа, К.А. Коровин)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, связанной с выявлением жизнетворческих сценариев русских мемуаристов-эмигрантов, является опытом научного осмысления культурного наследия России в контексте социальных и политических потрясений эпохи, всесторонне иллюстрирует взаимосвязи между профессиональным художником и его литературной лабораторией. К исследованию привлечен обширный свод источников, в качестве теоретической и методологической основы выбраны научные работы ведущих зарубежных и отечественных филологов в области теории повествования, поэтики бытового поведения, локального текста, интермедиальности. Решенная в диссертации задача является приоритетной для развития современного отечественного литературоведения в области поэтики автобиографической прозы и мемуаристики русского зарубежья. Диссертация соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Алёна Вадимовна Галькова, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

06 декабря 2018 г.

Анисимова Евгения Евгеньевна,
доктор филологических наук (10.01.01 – Русская литература),
доцент кафедры журналистики и
литературоведения Института
филологии и языковой коммуникации
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Сибирский федеральный
университет»
(660041, г. Красноярск, проспект Свободный, 79/10,
(391) 244-86-25, <http://www.sfu-kras.ru>
rector@sfu-kras.ru, zhur@sfu-kras.ru)

Собор

